

Лейкин Николай Александрович

Христова невеста. Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Христова невеста. Роман / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 288 с.

ISBN 978-5-519-92970-7

ISBN 978-5-519-92970-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Послышался стукъ желѣзнаго засова. Ворота за-скрипѣли и отворились. Карета въѣхала на большой дворъ. Дворъ былъ весь застроенъ амбарами и навѣсами въ формѣ покоя (П), посреди которыхъ стояла важня съ вѣсами и четвериками. На крышѣ важни была устроена голубятня съ рѣзнымъ балкончикомъ. Карета остановилась у подъѣзда. На подъѣздѣ суетились: мать приѣзжей—полная и приземистая женщина, лѣтъ сорока пяти, въ шелковой, туго повязанной косынкѣ на головѣ; вухарка, съ подоткнутымъ платьемъ и въ сѣхавшемъ на затылокъ платкѣ; горничная, въ розовомъ сарафанѣ и молоденькая дѣвушка, племянница Мякинникова. Всѣ онѣ бросились отворять дверцы кареты.

— Не съ той стороны. Тутъ хозяинъ гвоздемъ забилъ! Все отворилась, проклятая!—крикнулъ съ возель вучерьъ.

Женщины бросились было къ другой дверцѣ, но молодецъ въ дутыхъ сапогахъ соскочилъ съ возель и съ шикомъ отворилъ карету. Изъ кареты вышли: монахиня Анѣиса—высокая, смуглая женщина, съ крупными губами и черными бровями дугой, и дочь Мякинникова Таня—стройная, молоденькая дѣвушка, лѣтъ девятнадцати, съ красивымъ свѣжимъ личикомъ. Отброшенный назадъ черный кашемировый платокъ позволялъ видѣть ея роскошные волосы, заплетенные въ двѣ косы. Начались цѣлованія. Мать заключила дочь въ объятія и заплакала. Монахиня чинно чмокалась съ другими женщинами, наконецъ подошла къ хозяйкѣ.

— Будеть, будеть тебѣ, Анна Астафьевна. Наглядишься еще на дочку-то. Мать игуменья до Петрова дня ее отпустила. Поздоровкаемся со мной-то,—сказала она и выпялила губы.

Послѣдовало громкое чмоканье, такъ что стоящія смирно лошади тронулись съ мѣста, и вынимавшій изъ кареты узелки извозчикъ крикнулъ: „балуѣ“.

— Молодцы! Коли коробокъ вынимать будете, такъ потише: тамъ у насъ варенье въ банкахъ да бутылки съ наливками!—крикнула монахиня суетящимся около кареты, и, обратясь къ Аннѣ Астафьевнѣ, прибавила:—Это мы тебѣ нашего монастырскаго гостинцу привезли!

— Спасибо! Дай Богъ тебѣ здоровья, что забыла,—заговорила Анна Астафьевна.—Ну, что-жъ мы здѣсь толпимся? Пойдемте на верхъ. У насъ и самоваръ готовъ... на столѣ стоитъ. Поди устали. Съ дороги-то хорошо... Второй день васъ ждемъ. Вчера молодецъ цѣлый день на желѣзной дорогѣ пробылъ и сегодня опять... Ужъ думали—не случилось-ли чего. Всѣ глаза проглядѣла, на улицу-то смотрѣвши...

— Да сестры позадержали. Все письма писали. Страсть, что надавали! Будто почты нѣтъ. Разноси имъ теперь...—отвѣчала монахиня и, перекрестившись, начала подниматься по лѣстницѣ.

Женщины послѣдовали за ней.

На верхней площадкѣ стоялъ самъ глава семейства, Мявинниковъ. Онъ былъ въ темнозеленомъ шелковомъ халатѣ, въ высокихъ сапогахъ и въ

черномъ атласномъ жилетѣ съ малиновыми вѣр-
пинками. Это былъ еще бодрый и вѣрнѣй, благо-
образный старикъ съ бородою съ просѣдью и съ
огромной лысиной.

— Здравствуй, Иванъ Миронычъ! Богъ милости
тебѣ прислалъ. Мать игуменья тебѣ кланяется и
благодарить за незабываніе твоими щедротами на-
шей убогой обители...—говорила монахиня, поды-
маясь по лѣстницѣ и завидя Мязинникова.

Послѣдовало опять троекратное чмоканье.

Къ отцу подошла дочь и поцѣловала у него руку.
Онъ обнялъ ее и сказалъ:

— Здравствуй, Танечка! Здравствуй, Христова не-
вѣста и молительница о душахъ нашихъ.

Голосъ его дрогнулъ, на глазахъ блеснули слезы.

— Иванъ Миронычъ, ты посмотри-ко, какъ она
у насъ за зиму-то похорошѣла—красавица стала!—
проговорила Анна Астафьевна, но мужъ отвернулся
и ничего не отвѣтилъ.

Все вошло въ комнаты. Въ большой столовой,
отдѣланной подъ дубъ, на большомъ кругломъ столѣ
кипѣлъ самоваръ. Приѣзжія раздѣлись и сѣли за
столъ. Около нихъ помѣстились домашніе и зави-
дывали вопросами: кто спрашивалъ о снѣгѣ, кто о
разлитіи рѣкъ, кто объ архіереѣ. Монахиня, на-
сколько могла, удовлетворяла ихъ вопросамъ, аппе-
титно пила чай и крестилась передъ каждою чаш-
кой. Таня пила мало и шушукалась съ своей двою-
родной сестрой, Дашей, той самой, которая, какъ
мы видѣли, встрѣтила ее на подѣздѣ. Въ комнату

прислуга вносила короба, узелки и мѣшки, вынутые изъ кареты.

— Ахъ я, дура! закусить-то и забыла предложить!—воскликнула Анна Астафьевна съ такимъ испугомъ, какъ будто-бы дѣло касалось спасенія чьей-нибудь жизни.—Марья! Василиса! бѣгите въ погребъ и принесите тамъ семушки, икорки, осетринки заливной... Ахъ ты, Господи!..

— Да не надо! Не надо, родная! Вѣдь мы съ большимъ запасомъ изъ монастыря-то выѣхали,—отвѣчала монахиня.—Всю дорогу ѣли... опротивѣло даже... Вонъ и теперь еще полъ-короба всякихъ яствъ осталось... Ужо хоть курамъ скормить да нищимъ раздать, что-ли.

— А у насъ свадьба,—началъ Иванъ Миронычъ:—Дашу за нашего старшаго приказчика выдаемъ. Вчера Богу помолились...

— Да, да...—добавила Анна Астафьевна.—Вотъ и это, впопыхахъ-то да съ радости, забыла сказать... А вѣдь ждали васъ, такъ только объ этомъ и думали. И вѣдь вдругъ какъ сдѣлалось... Приходитъ онъ вчера къ нему поутру въ контору и говоритъ: „такъ и такъ, говоритъ, дозвоьте, потому я ее съ измалѣтства знаю... Заставьте Бога молить“ Иванъ Миронычъ во мнѣ... Позвали Дашу. Ну, она, извѣстно, дѣвушка, застѣнчива... Ни то, ни се. Подумали да и покончили... Что жъ, онъ человѣкъ обстоятельный, хорошій...

— Еще бы не обстоятельный! Пятнадцать лѣтъ у меня живетъ и три тысячи зажитыхъ денегъ за

мною имѣть. Вотъ на будущей недѣлѣ, въ мои именины и стоворъ, и обрученіе сдѣлаемъ. Ужъ коли затѣяли, такъ торопиться надо. Тряпочное приданое у ней готово, а мебель купимъ.

— Да, да безпремѣнно въ этомъ и мѣсяцѣ повѣнчаемъ, а то вѣдь тамъ май начнется. Говорятъ, что не хорошо: кто въ маѣ повѣнчается, то всю жизнь будетъ маяться.

— Да и кромѣ того, поскорѣй-то оно лучше. Дѣвичья жизнь въ мірѣ—это соблазнъ, Богу отвѣтъ; а ужъ какъ выдетъ замужъ, тогда мужъ и отвѣчаетъ, потому что глава есть... Такъ и въ писаніи сказано...—вставила свое слово монахиня, поднялась съ мѣста, отерла рукавомъ губы, поздравила Дашу съ нареченнымъ и поцѣловала.

— Даша!—съ улыбкой обратился Иванъ Мироничъ къ племянницѣ.—Ну, мы забыли о свадьбѣ сказать, а ты-то что-жъ молчишь? Или не рада?

Даша потупилась.

— Да гдѣ-жъ это видано, чтобъ дѣвушка сама о своей свадьбѣ рассказывала?—сказала Анна Астафьевна.

— Конечно, не слѣдуетъ,—подагнула монахиня.—Скромность для дѣвушки—это все равно, что цвѣтокъ для растенія.

— А знаете, папенька, это она только сестрѣ Анюсѣ не сказала, а мнѣ обо всемъ повѣдала,—обратилась Таня съ лукавой усмѣшкой къ отцу.—Даже и про то рассказала, какъ Степанъ Ивановъ ей, еще раньше чѣмъ къ вамъ идти, предложеніе

дѣлалъ, какъ она ему дала согласіе и какъ онъ ей воровку конфектъ подарилъ. Это только вы-то ничего не знаете.

При этихъ словахъ монахиня сверкнула глазами.

— Сестра Татьяна,—произнесла она наставительнымъ тономъ:—разговоры этихъ тебѣ надо вовсе избѣгать. Ты знаешь, ты обречена Богу и должна стараться убѣгать мірскаго.

Таня встрепенулась.

— Это еще отчего? Я вѣдь, кажется, не пострижена. Да и что тутъ есть грѣховнаго?—сказала она.

— Неужто она и на моей свадьбѣ не можетъ быть? Неужто и бѣлаго платья не можетъ шить, а должна быть въ черномъ?—задала вопросы до сего времени молчавшая Даша.

Анна Астафьевна вопросительно взглянула на монахиню. Монахиня задумалась.

— Бѣлое платье и рассказы о любовныхъ разговорахъ двѣ разныя вещи...—отвѣчала она, немного подумавъ.—Бѣлое платье ей сшейте и цвѣты скромные на голову можно.. но танцовать—ни, Боже мой!.. Даже и мнѣ за это отъ матушки игуменьи достанется, если она узнаетъ.

— И, мать Аноиса, какая ты строгая!—сказалъ со вздохомъ Иванъ Миронычъ!—Вѣдь она еще молодая да и въ мірѣ... Вотъ постригутъ въ монахини, тогда другое дѣло. А что касается до танцевъ, такъ она и не обучена у насъ. Для чего было и

обучать, коли она еще до дня своего рожденія, въ утробѣ матери своей, была обречена нами Богу!

— Иванъ Миронъчъ, да вѣдь ты самъ просилъ наставлять ее, чтобъ она постепенно отъ міра отвыкала...

— Знаю, знаю, мать Анѳиса!

Старикъ еще разъ вздохнулъ и пригорюнился.

Марья и Василиса, которымъ было привязано бѣжать въ погребъ, внесли, между тѣмъ, въ столовую осетринку, семушку, икорку и разставили на столѣ. Кромѣ того, онѣ захватили изъ погреба почетную ногу телятины и кусокъ вареной солонины. Мать Анѳиса, хотя и говорила, что онѣ ѣли въ дорогѣ до того, что опротивѣло, съ видимымъ аппетитомъ накинулась на рыбное кушанье. Къ столу подсѣла и Таня, поглядѣла на телятину и сказала:

— А что, сестра Анѳиса, я буду мясное ѣсть? Вѣдь я не въ монастырѣ теперь. Я и прошлый годъ, какъ здѣсь была, такъ ѣла.

— Ёшь, коли совѣсть не запрещаетъ,—отвѣчала та.—Да вѣдь и то сказать, обѣта не давала.

Таня помолилась на образъ и принялась за телятину.

Быль девятый часъ вечера. Прислуга ужъ убрала со стола, а семейство Мякинникова все еще сидѣло въ столовой и разговаривало. Мать Анѳиса разбиралась въ мѣшкахъ, доставала оттуда дары въ видѣ ладанокъ, стружекъ отъ мощей, бисерныхъ кошельевъ, пузырьковъ съ деревяннымъ масломъ, восковыхъ огарковъ и небольшихъ образковъ, и

одѣляла ими присутствовавшихъ. Не была забыта и прислуга.

— А вотъ это вамъ отъ самой матушки Ксеніи, игуменьи нашей,—сказала она, подавая Ивану Миронычу большую просфору, на нижней коркѣ которой были написаны чернилами его имя и имена его чадъ и домочадцевъ. — Велѣла сказать, что сама за просеомидіей поминала. Вотъ и все. Не роскошны наши монастырскіе дары, но за то искренни и цѣлительны для вѣрующихъ. Ахъ, Господи! Вотъ ужъ истинно изъ ума вонъ! Самое-то главное и забыла! — спохватилась она. — Матушка игуменья прислала вамъ письмо.

Монахиня порылась въ висящемъ у ней на поясѣ шерстяномъ мѣшечкѣ и достала оттуда конвертъ съ большой монастырской печатью. На конвертѣ было написано: „Его Боголюбію, Господину купцу Ивану Миронычу Мякинникову, въ собственныя руки“.

Иванъ Мироновичъ взялъ письмо, распечаталъ его и началъ читать вслухъ. Въ письмѣ стояло слѣдующее:

„Многоуважаемый и боголюбивый, Иванъ Миронычъ! Ревнитель красоты храмовъ и убогой обители нашей! Братъ нашъ о Христѣ! Шлю вамъ поклонъ и привѣтъ, искренные, изъ глубины сердца моего, и молю Бога о здравіи и спасеніи вашемъ и семейства вашего. Сообщаю вамъ, Иванъ Миронычъ, что, по благословенію владыки, задумали мы въ большой церкви нашей устроить второй ма-

лѣй придѣль во имя святой Варвары Великомученицы, но, не обладая денежными средствами, не можемъ сего исполнить, не обращаясь къ щедротамъ усердствующихъ дателей и къ вамъ, какъ къ нашему главному и наибольшему жертвователю. Много видѣла обитель наша отъ васъ помощи, и каждая вещь, пожертвованная вами, вселяетъ въ сердца наши теплое чувство молитвы о долготѣи вашемъ, но тѣмъ не менѣе обращаюсь къ вамъ съ просьбою. Поусердствуйте! Рука дающаго да не оскудѣетъ, и вамъ воздастся сторицею. Сестра Анѳиса, подательница сего письма, вручившая также вамъ и дочь вашу, дастъ вамъ книжку для записи добродѣтельныхъ жертвованій, которую вы и предъявите знающему и уважающему васъ купечеству. Вся надежда теперь на купечество. Только въ этомъ сословіи тлѣетъ еще ревность къ украшенію храмовъ Божіихъ, только оно еще не тронута тлетворнымъ духомъ невѣрія! О поведеніи во время пребыванія дочери вашей въ обители нашей могу отнестись не иначе, какъ съ похвалою и умиленіемъ. Конечно, она молода, но впоследствии, по постриженіи, изъ нея выйдетъ строгой жизни инокиня и молительница о душѣ вашей. И еще къ вамъ просьба. Въ бытность ея у насъ, она начала обучаться у сестры Соломіи, иконописицы нашей, ивонной живописи и настолько успѣла, что могла помогать ей въ писаніи одеждъ, небесъ и другихъ второстепенныхъ мѣстъ въ иконахъ. Молю васъ, развейте талантъ ея, наймите учителя ей, и

пусть подъ его руководствомъ совершенствуется въ искусствѣ, дабы впослѣдствіи могла быть полезна намъ въ дѣлѣ украшенія святыми иконами монастырскихъ храмовъ нашихъ.

Цѣлую васъ братскимъ цѣлованіемъ, братъ нашъ о Христѣ, клянюсь всему благочестивому семейству вашему и остаюсь всю жизнь мою молительница за васъ, женскаго Краснопольскаго монастыря игумена, грѣшная раба божія Ксенія“.

Во время чтенія письма мать Анеиса сидѣла, приложивъ лѣвую руку къ щекѣ, и умильно качала головою.

— Господи, вѣдь какъ сладко написано-то! Вотъ ужъ истинно мастерица, великій даръ имѣеть! сказала она, когда письмо было кончено, и прибавила:—Книга для записи пожертвованій у меня, Иванъ Мироничъ; я вручу ее тебѣ завтра.

— Ладно,—отвѣчалъ онъ, вздохнувъ, и обратился къ дочери:—Ну, что-жь, Таня, хочешь учиться живописи? У меня кстати и учитель есть. Сынъ моего артельщика Игнатія Лыскова, что въ прошломъ году померъ. Вотъ тоже надо въ поминаніе записать. Добрый былъ старикъ, царство небесное. Ну, что-жь, хочешь?

— Отчего-жь не хотѣть? Я даже сама хотѣла просить... отвѣчала Таня.

— Пусть учится. Найми ей! погладила ее по головѣ мать и звонко поцѣловала.

— Наймемъ. Вотъ вѣдь, тоже судьба-то Отецъ его по торговлѣ пустилъ, въ лавку отдалъ—не по-